

дебатов) // Петроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. № 9. 2015. – С. 94–100.

21. Sierpowski, S. Narodziny Ligi Narodów. Powstanie, organizacja i zasady działania / S. Sierpowski. – Poznań, 1984. – 310 s.

22. Borkowski, J. Józef Piłsudski o państwie i armii / J. Borkowski. – Warszawa, T. I. 1985. – 342 s.

23. Sierpowski S. Stosunki włosko-polskie na tle międzywojennej Europy // Przegląd Zachodni. № 5–6. 1986. – S. 225–240.

24. Nieznane rozmowy Józefa Piłsudskiego / [redakcja Leszek Sosnowski]. – Kraków : Biały Kruk, 2018. – 207 s.

УДК 930(410):94:327(438:4)«1929-1933»

Е. Н. Дубровко

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

БРИТАНСКАЯ ОЦЕНКА МЕСТА ПОЛЬШИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

В статье выявлена и охарактеризована британская оценка места Польши в европейской политике в условиях экономического кризиса в первой половине 1930-х годов, а также представлены дипломатические и торгово-экономические действия, которые Великобритания предпринимала, исходя из этой оценки. Автор доказывает, что британская дипломатия во многом исходила из экономических интересов Великобритании, которые не всегда подразумевали ответную заинтересованность Польши, что побуждало последнюю к попыткам дипломатического противодействия.

В исследованиях, посвящённых истории англо-польских отношений, можно найти крайне мало информации по вопросу экономических отношений [1; 2]. В историографии не так много работ, посвящённых вопросам экономических отношений между Великобританией и Польшей в межвоенные годы. Это справедливо отметил польский историк К. Каня, чья обстоятельная статья, основанная на материалах экономической периодики, является одним из немногих исследований

по этой теме [3]. При этом взаимосвязь экономических и дипломатических отношений в историографии обозначена. Присутствует она в исследованиях профессора В. Г. Трухановского [4, с. 157–162]. Крупные английские историки С. Д. Лоу и М. Л. Докрилл писали, что основной фактор британской политики – экономические интересы [5, р. 357]. В новых диссертационных исследованиях также уделено внимание экономической составляющей межгосударственных отношений [6, с. 97–101].

Экономические интересы стали играть особенно важную роль в период мирового экономического кризиса рубежа 1920-х – 1930-х гг. Этот кризис распространился на Великобританию в первом квартале 1930 г. Осенью 1931 г. он затронул уже и область финансов – опасения иностранных вкладчиков привели к оттоку капиталов из Лондона. Наибольшей силы кризис достиг во втором квартале 1932 г., охватив и сферу торговли, что проявилось в сильном сокращении поступлений от английского экспорта, доходов от размещённых за границей капиталов и доходов от судоходства. Для выхода из него 21 сентября 1931 г. был проведён через парламент закон об отмене золотого стандарта фунта стерлингов, что вызвало девальвацию валют ряда стран. В 1932 г. был введён закон об импортных пошлинах: был введён 10 % тариф, а на ряд промышленных товаров – протекционистский тариф 33,5%. Также на имперской конференции в Оттаве в августе 1932 г. были подписаны соглашения с доминионами, предусматривавшие торговые преференции [4, с. 181–188; 7, с. 14, 18]. Как отметила польская исследовательница М. Новак-Келбикова, в условиях кризиса хозяйственные вопросы начали доминировать во всех сферах государственной деятельности. В 1933–1934 гг. на первом месте для британского правительства и общества стояли по-прежнему вопросы экономические, связанные с выходом из кризиса [1, с. 252, 317]. Из внутривнутриполитических перемен необходимо вспомнить приход к власти коалиционного национального правительства Р. Макдональда 17 октября 1931 г. (у власти останется до 7 июня 1935 г. – Е. Д.). Одной из ключевых задач этого Кабинета было преодоление экономического кризиса, что не могло не проявиться в его внешней политике, оценках международной ситуации и места в ней разных акторов.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать британскую оценку места Польши в европейской политике в условиях экономического кризиса в первой половине 1930-х гг.

Основу источниковой базы составили документы делопроизводства британского Кабинета, внутриведомственная переписка Форин

оффис, международные соглашения, отразившие позицию тех политических и дипломатических кругов Великобритании, которые были причастны к принятию внешнеполитических решений в указанное время.

Приход к власти в Соединённом Королевстве на смену лейбористскому коалиционному кабинету, включавшего консерваторов, вызвал определённые ожидания в Польше. Как писала уже упомянутая польская исследовательница, лейбористы традиционно симпатизировали ревизионистским желаниям Германии и оценивали Версальский договор как несправедливый, хоть и учитывали генеральную линию политики Великобритании, направленную на избежание конфликтов или их замирение, сохранение структур, сформированных в 1919 г., а также уменьшение разницы позиций Франции и Германии. Также Р. Макдональд и А. Гендерсон не могли игнорировать мнения Форин оффис и послов в европейских столицах. Многие английские политики не исключали территориальных изменений в регионе Поморского воеводства (то есть «польского коридора» или «данцигского коридора» – Е. Д.). Лейбористское правительство, хоть и не изложило своих взглядов, это тоже учитывало [1, с. 261–263].

В этих обстоятельствах приход в 1931 г. коалиционного (национального) правительства рассматривался в Польше как полезное изменение. Предполагалось, что этот Кабинет будет менее прогерманским, чем лейбористский. Главой Форин оффис до выборов октября 1931 г. был либерал маркиз Ридинг, после выборов – Джон Саймон, бывший юрист с консервативными взглядами.

Начнём с выяснения, как видела связь экономических и дипломатических вопросов британская сторона и какое место занимала Польша в этих оценках? Осенью 1931 г. К. Скирмунт, посол Польши в Лондоне, встретился с лордом Ридингом. В ходе встречи польский дипломат поднял вопрос связи политических отношений и экономических проблем. К. Скирмунт заявил, что не может быть улучшения экономической ситуации без политической разрядки, которая связана с урегулированием отношений между Берлином и Варшавой. По свидетельству польского посла, приведённого в исследовании белорусского историка Д. С. Климовского, глава британского Форин оффис с большим вниманием слушал изложение финансовых вопросов, данные о работе польских банков в Данциге (сегодня Гданьск – Е. Д.) и Верхней Силезии, но остальные аспекты польско-немецких отношений не вызвали пристального интереса и тем более заявлений о готовности оказать влияние на Германию [8, с. 185–186].

В ноябре 1931 г. преемником Ридинга стал Д. Саймон. 26 ноября он представил Кабинету оценку международной ситуации и политики Соединённого королевства. Этот меморандум был подготовлен в Форин оффис как ответ на текущие вызовы международной жизни: готовящуюся конференцию по разоружению (начнёт работу в феврале 1932 г. в Женеве – Е. Д.), а также конференцию по проблеме репараций (созыв её предложил Р. Макдональд для выработки политики, которой следовало придерживаться после окончания годовичного срока моратория на выплату репараций и возврат военных займов; она будет созвана в Лозанне 16 июня – 9 июля 1932 г. – Е. Д.). По мнению Форин оффис вопрос разоружения будет тесно связан с экономическими проблемами. В документе прослежена связь экономических и политических проблем: валютный кризис неизбежно ведёт к экономическому хаосу в Европе. Экономический хаос и все попытки справиться с ним, в свою очередь, затрагивают политические вопросы репараций и военных долгов. Соединенные Штаты связывают их с вопросом разоружения, а последнее, по мнению французского правительства, зависит от проблемы безопасности. Последняя, в свою очередь, поднимает вопрос о территориальном статус-кво в Европе (например, вопрос о восточной границе Германии), что подводит к конфликту между сохранением или пересмотром мирных соглашений. Давая характеристику места разных государств в системе международных отношений в такой ситуации, авторы меморандума писали о том, что Франция понимает безопасность не только от агрессии и вторжения, но и от пересмотра договоров, кроме как путём переговоров. США отказываются идти навстречу Франции в вопросе долгов. Франция отказывается идти навстречу Германии по вопросу репараций, если США не пересмотрит военные долги. США отказываются ослабить отток золота из Европы до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о разоружении и пока не будут устранены более опасные политические проблемы, такие как проблема восточной границы Германии. До тех пор, пока этот политический тупик не будет преодолён, экономическое сотрудничество Европы остаётся теоретическим идеалом, экономический кризис будет продолжать подрывать социальную и политическую структуру Европы [9, р. 4]. Рассматривая вариант выхода из этого «тупика» Форин оффис видело следующие схемы: США идут навстречу должникам по военным долгам, тогда кредиторы Германии идут на уступки в вопросе репараций. После чего Германию, удовлетворенную в вопросах разоружения и репараций, можно побудить принять в качестве окончательного решения по восточной границе более умеренный вариант,

нежели полную реституцию; Польшу, столкнувшуюся с объединением Великобритании, Америки, Франции, Германии и Италии, возможно, можно было бы привести в более разумное расположение духа, хотя для неё необходимо было бы найти какую-то услугу за услугу, либо политическую, либо экономическую, либо и то, и другое вместе [9, р. 4–5]. Признаётся, что вопрос о восточной границе Германии (который включает в себя вопрос о польском коридоре, статусе Данцига и аннексированной части Верхней Силезии) является краеугольным камнем проблемы безопасности. Чем дольше Польша владеет этими территориями, тем больше они полонизируются, что делает проблему ещё более актуальной для Германии. По мере того, как требования Германии в других местах продолжают удовлетворяться, её требования, как правило, концентрируются на вопросе о восточной границе. Предполагается, что если бы Франция смогла добиться своих основных требований в другом месте, возможно, она не обязательно поддержала бы польские претензии, если бы они были слишком неудобными для её собственной политики [9, р. 7–8]. Говоря об отношениях Польши и Франции, подчёркивается, что Франция, «чей милитаризм вдохновлен искренним стремлением к миру, вероятно, отказалась бы от своей политики вооружённой обороны, если бы её можно было убедить, что она нашла удовлетворительную альтернативу. Польский альянс, например, сейчас является скорее помехой, чем преимуществом для Франции» [9, р. 7]. Такой перспективой могло бы быть подписание какого-либо гарантийного документа. Однако это допускалось лишь при условии, что британские риски будут сведены к минимуму, и особенно риск, связанный с вопросом о восточной границе. «Если удастся изменить нынешнюю границу таким образом, чтобы это устраивало Германию, не разжигая при этом вражды поляков, то, возможно, будет устранено самое большое препятствие для нашего принятия обязательств по протоколу. Более того, здесь есть все предпосылки для заключения сделки. В обмен на льготы на Висле Германию можно было бы попросить согласиться на некоторое усиление контроля Лиги Наций над Рейном». Рассуждая о возможности мирного изменения нынешнего статуса восточных границ Германии, авторы отмечали, что «Германия говорит, что это необходимо. Великобритания считает, что это целесообразно. Соединенные Штаты Америки (или, по крайней мере, мистер Гувер) считают, что пограничный вопрос лежит в основе всех наших политических и финансовых трудностей. Франция (или, по крайней мере, месье Лаваль) признаёт, что этот коридор является чудовищным. Но Польша (по словам М. Лавалья) ско-

рее пойдет на войну, чем согласится на какие-либо изменения». Допускается, что в ходе переговоров удастся путём объединённого давления на Польшу «преодолеть даже упрямство поляков без кровопролития. Европе следует осознать, что её спасению препятствует польская гордость, и поэтому польской гордостью нужно пожертвовать» [9, р. 12].

Как видим, в оценках Форин оффис в условиях мирового экономического кризиса экономические проблемы рассматривались в тесной связи с политическими. Решение политических вопросов считалось необходимым достигать объединёнными силами Великобритании, США, Франции, Германии и Италии. Польша рассматривалась как государство, от которого могут потребоваться уступки, хоть за них и предполагалась «компенсация», всё же участие её на равных в решении политических проблем не стояло в повестке дня.

Авторы меморандума следующим образом оценили положение Польши в системе европейских отношений: «Польша (ещё один соратник Франции по опасениям) связана с Румынией двойным страхом – перед Германией, с одной стороны, и перед Россией – с другой. Россия, плохой ребёнок в этой беспокойной детской, добавила социальной ненависти и страха к национальному» [9, р. 7]. Отмечалось, что «в настоящее время Франция и её союзники все повернуты лицом к Германии; но некоторые из них уже нервно оглядываются через плечо на врагов с других сторон. В ходе наступления на Германию Польша и Румыния, вероятно, уже нейтрализованы Россией; они вряд ли смогли бы вести войну на два фронта» [9, р. 7–8]. «Польша желает сохранить статус-кво, закреплённый за ней мирным урегулированием. Её географическое положение между двумя могущественными врагами, Германией и Россией, и меньшим врагом, Литвой, очень хрупкое, и вряд ли стоит удивляться тому, что она пыталась обезопасить себя военными союзами – с Францией (против Германии) и с Румынией (против России). Польский вопрос, включающий в себя вопросы Данцига, Коридора и Верхней Силезии, является одной из величайших трудностей в связи с общей проблемой безопасности» [9, р. 10].

В период экономического кризиса связь между политическими и экономическими вопросами прослеживается в документах британского кабинета всё чаще. Так, в декабре 1931 г. глава торговой палаты Великобритании в своём выступлении в Кабинете подчёркивал, что большая доля французского капитала была инвестирована в польскую угольную промышленность. Это способствовало дискри-

минации британских импортёров по сравнению с польскими во Франции через введение дополнительного налога и снижение квоты на британский уголь [10, р. 195–197]. Эти обстоятельства экономического характера упрочивали связь между Францией и Польшей, одновременно осложняя англо-польские отношения. Пример обратного влияния – политических событий на экономические интересы находим в выступлении главы комитета рыбной промышленности. При анализе причин сокращения экспорта, в частности маринованной сельди, чьим основным потребителем была ранее Россия, а сейчас основными рынками стали Германия, Латвия и Польша, в декабре 1931 г. он отметил, что политические трения между государствами препятствуют торговле. Польско-литовский спор из-за Вильно, разногласия по поводу функционирования транспортных коридоров между Данцигом и Польшей, Данцигом и Германией и различные другие нерешённые дипломатические вопросы – всё это создавало препятствия на пути оживления и развития торговли [11, р. 31].

Далее посмотрим, какие действия предпринимались британской дипломатией, исходившей из обозначенных оценок?

Осознавая важность экономических вопросов для британской политики, глава польского министерства иностранных дел А. Залеский в ходе визита в Лондон в середине декабря 1931 г. пытался использовать доводы торгово-экономического характера для противостояния идеям ревизии версальских границ. Он говорил, что большая часть внешнеторгового оборота Польши проходит через Поморье, то есть «коридор», не стоит предпринимать политические шаги, которые бы мешали экономическому восстановлению. Ю. Липский, входивший в состав делегации, в беседе с начальником департамента стран Центральной Европы Г. Серджентом предлагал вариант создания блока государств в Центральной Европе, который мог бы противостоять Германии и СССР, и при условии получения кредитов мог бы стать рынком для Великобритании [1, s. 295–299; 8, с. 190–192]. Однако констатировать, что эти доводы значительно повлияли на политику Великобритании, не приходится.

В условиях сохранения кризисных явлений в конце 1931–1932 г. страны Европы сделали ставку на введение протекционистских тарифов, что обострило отношения между ними. О мерах, предпринятых Великобританией в этом направлении, писалось выше. Польское правительство 21 декабря 1931 г. издало так называемые «кризисные реестры» по импорту и повышению пошлин. В Германии с 23 января 1932 г. были введены высокие пошлины на польское масло [8, с. 197–198].

В этих условиях 16 июня 1932 г. начала работу конференция в Лозанне под председательством Р. Макдональда. 9 июля 1932 г. она приняла решение о прекращении действия «плана Юнга», и о том, что Германия должна передать Банку международных расчётов правительственные облигации на сумму 3 млрд. марок с указанием схемы их выкупа и выплаты процентов по ним. Эта схема принималась в счёт окончательного погашения репараций [12, с. 21]. Также в заключительный акт конференции была включена «Резолюция, касающаяся Центральной и Восточной Европы». Она предполагала назначение комиссии, которая будет разрабатывать программу мероприятий, необходимых для восстановления стран региона. Должны были быть разработаны мероприятия по упразднению государственного валютного контроля, оживлению торговли. Было предложено правительствам этих стран, в том числе Польши, назначить в эту комиссию своих представителей. Эта резолюция вызвала сразу же заявление делегации Румынии, отметившей, что принять и парафировать этот документ она, как приглашённое государство, не может без тщательного изучения правительством [12, с. 25]. Недоверие Румынии не было исключением. В связи с переговорами в Лозанне у польских политиков возникли подозрения, что там могут быть достигнуты договорённости о переустройстве Европы. Тем более, что в Лозанне 13 июля 1932 г. была подписана англо-французская декларация, которая помимо прочего гласила, что стороны намерены согласовывать свои позиции по всем репарационным вопросам, а также вопросам о переустройстве Европы. Германия, Бельгия и Италия были приглашены присоединиться к этому пакту. Правда, документ так и остался декларацией [1, s. 283–285]. Однако само его появление подтверждает принятие Великобританией стратегии, обозначенной в упомянутом выше меморандуме Форин оффис: достижение договорённости между основными игроками международных отношений и лоббирование их совместными усилиями желательных решений. Польше в британских оценках роль такого игрока не предполагалась.

Каковы же были ответные шаги Польши? В указанных обстоятельствах Польша сделала реверанс в сторону восточного соседа. 25 июля 1932 г. в Москве был подписан польско-советский договор о ненападении. Уже 28 июля 1932 г. британский представитель из Варшавы писал, что с точки зрения Польши договор будет иметь положительный эффект, действуя как политическая разрядка в Восточной Европе, он поспособствует росту уверенности, финансовая ситуация и экономическое положение улучшатся. Он высказал мнение, что польское правительство рассчитывает, что договор поспособ-

ствуется улучшению отношений Польши и с её западными соседями [13, р. 240]. Однако польский реверанс пришёлся на период обострения англо-советских отношений: 16 октября 1932 г. английское правительство в одностороннем порядке разорвало торговое соглашение 1930 г. с СССР. Начавшиеся в скором времени переговоры о новом торговом соглашении шли сложно. В марте 1933 г. они были прерваны в связи с делом «Метро-Виккерс», в апреле Великобритания ввела эмбарго на советский экспорт. Только 1 июля торговая война завершилась и переговоры были возобновлены 3 июля. Лишь к началу сентября выработка временного торгового соглашения была завершена [14, с. 256–280]. В этих обстоятельствах в беседах с английскими дипломатами польские политики очень сдержанно комментировали факт заключения польско-советского договора. 7 декабря 1932 г. У. Эрскин, британский посол в Польше, писал из Варшавы Дж. Саймону о беседе с министром иностранных дел Ю. Беком и теме польско-советского пакта. По словам главы польского министерства иностранных дел, советская сторона будет придерживаться договора, пока он ей будет подходить, польское правительство продолжает рассматривать союз с Румынией как фундаментальную основу своей политики [13, р. 284–285]. Что касается улучшения экономического положения, тоже всё оказалось непросто: стороны не спешили заключать торговый договор. Визит в Польшу в мае 1933 г. представительной хозяйственной делегации во главе с замнаркомом внешней торговли И. В. Боевым имел результатом лишь подписание протокола о расширении товарооборота между Польшей и СССР. Поездка Ю. Бека в Москву в феврале 1934 г. также не принесла ощутимых результатов в направлении заключения торгового договора. Договор будет подписан лишь 19 февраля 1939 г. [6, с. 101; 15, с. 414].

Эта сдержанность польских политиков и акцентирование потенциальной пользы от договора для улучшения польско-германских отношений, которое лоббировала Великобритания, на наш взгляд, были частично обусловлены торгово-экономическими интересами Польши. На английский рынок поляки экспортировали в основном строительную древесину, дрова, доски, цемент, бондарные изделия, мебель, нефтепродукты, рожь, ячмень, птицу (гусей). Ввозили в Польшу из Великобритании сельдь, шерсть, хлопок, текстиль, перец, чай, кофе, какао, кожевную продукцию, сельскохозяйственную технику, велосипеды, одежду, рис, свиные жиры, медикаменты, станки по металлу, изделия из каучука. В 1928 г. Великобритания была на четвертом месте (226,7 млн злотых) среди стран, в которые

поступал польский экспорт, опередили её: Германия – 858,8 млн, Австрия – 311,4 млн и Чехословакия – 295,6 млн. Соединённое королевство занимало третье место среди стран, ввозивших товары в Польшу, после Германии и США [3, s. 17]. В 1930–1931 гг. экспорт на британский рынок характеризовался, вопреки общей тенденции, ростом динамики. В 1930 г. он составлял 294 млн зл. (второе место после Германии 627 млн зл.). Основные товары польского экспорта: мясные изделия, частично обработанная древесина, сахар, яйца и шерстяная пряжа. В 1931 г. экспорт увеличился до 318 млн зл., так как со стороны Лондона не было ограничений, в 1931 г. Великобритания впервые оказалась на первом месте среди стран, куда поступал польский экспорт [3, s. 18]. В то же самое время Польша вводила ограничения на ввоз товаров, английский импорт в Польшу сокращался. Проблема возникающего избыточного импорта над экспортом в Великобритании вызвала введение в конце 1931 г. таможенного протекционизма. Это, конечно, ударило по польскому экспорту в эту страну. Защита отечественного производства и введение ограничений на импорт в Польше сказались, в свою очередь, на ввозе из Великобритании. Импорт сократился в 1932 г. до 74,8 млн зл. [3, s. 19]. Великобритания в статистике Польши в 1932–1933 гг. занимала третье место среди стран, поставлявших товары в Польшу, сразу после Германии и США [3, s. 20]. Одновременно Великобритания являлась лучшим покупателем Польши – на её долю в 1933 г. приходилось 19 процентов (в стоимостном выражении) британского экспорта, за ней следовала Германия с 17 процентами [14, p. 294]. То есть Великобритания была для Польши очень значимым торговым партнёром, чью позицию, особенно в условиях кризиса, необходимо было учитывать.

Каково же было место Польши в торгово-экономической политике Великобритании? Несомненно, в условиях кризиса Великобритания делала ставку прежде всего на внутриимперскую торговлю. Как уже отмечалось, в августе 1932 г. прошла имперская конференция в Оттаве, были подписаны соглашения, устанавливавшие преференции в торговле с доминионами. Однако торговые партнёры за пределами империи также постоянно оставались в зоне внимания. В июле 1933 г. в представленном в Кабинет меморандуме о торговых отношениях с зарубежными странами глава торгового ведомства представил программу развития торговли. Он обозначил основные принципы для выбора стран, с которыми планируется вести торго-

вые переговоры и заключать соглашения. Это, во-первых, установка, что Великобритания будет занимать сильную позицию в переговорах со странами, чей торговый баланс с нею благоприятен для них, и во-вторых, установка на то, что экономика других стран дополняет британскую (т. е. это страны, которые заинтересованы главным образом в экспорте сырья или продуктов питания в Соединенное Королевство). Эти два принципа, по мнению главы торгового ведомства, предлагали наибольшую перспективу успеха и требовали минимальных уступок с британской стороны. Давая перечень таких стран, он на первое место поставил Россию, на второе и третье – три балтийских государства и Польшу. Отдельно было подчёркнуто, что существует особая причина для скорейших переговоров с Польшей, поскольку новый польский тариф, предусматривающий значительно повышенные пошлины на промышленные товары, вступит в силу в октябре 1934 г. [17, р. 194–195].

В соответствии с этой программой 16 февраля 1934 г. состоялось подписание англо-советского торгового соглашения [14, с. 286]. Шли переговоры и с Польшей: торговая миссия посетила Польшу в марте 1934 г., а собственно переговоры начались в июне 1934 г. С этой даты польская делегация постоянно находилась в Лондоне [16, р. 294–296]. 6 декабря 1934 г. в Лондоне обе страны подписали угольное соглашение, которое положило конец периоду конкурентной борьбы, длившейся с 1926 по 1934 г. [3, с. 21]. Экспорт в Великобританию из Польши в 1934 г. вырос до 192 млн зл. Самые важные товары польского экспорта: древесина и изделия из древесины, мясо, яйца, зерно и мука, текстильные изделия. Импорт из Великобритании вырос не сильно и составил 86 млн зл.: свежая и соленая рыба, кожа, мех и кожаные изделия, недорогие металлы и изделия из них, машины и аппараты [3, с. 22].

Каким образом экономические и дипломатические отношения были связаны? Показательным для ответа на этот вопрос является тот факт, что для обсуждения отчёта экономического консультативного совета на заседании Кабинета привлекались представители внешнеполитического ведомства. В частности, в декабре 1934 г. в Форин оффис были сформулированы «соображения имперской внешней политики» для учёта в ходе переговоров. Особо подчёркивалось, «что касается внешней политики, то сокращение сверх определённого предела экспорта из стран, экономика которых связана с нашей, не может не сказаться на наших общих отношениях с этими странами, а также на их внутренней стабильности <...> Экспорт бекона важен не только для Дании, но и в большей или меньшей степе-

ни для Голландии, Польши <...> Скандинавские и прибалтийские страны, дружба которых с нами является важным политическим фактором, <...> оказались бы в числе пострадавших, если бы были введены какие-либо ограничения на импорт сливочного масла и яиц» [18, р. 291]. Как видим, экономические отношения были тесным образом переплетены с дипломатическими. Однако, несмотря на благоприятствующие торговым договорённостям рекомендации британских дипломатов, ход англо-польских коммерческих переговоров затянулся. В январе 1935 г. глава торговой палаты представил отчёт о четырёх месяцах переговоров. Он признавал, что «новое польское государство занимает то, что можно охарактеризовать как одну из ключевых позиций в экономике Европы, и, на мой взгляд, по всем основаниям крайне желательно, чтобы мы укрепляли и развивали наши коммерческие отношения с Польшей». Однако переговоры были охарактеризованы как сложные. Анализируя причины сложностей, автор отчёта указывал на отсутствие опыта долгой международной экономической деятельности у польских властей: «Польша – новая страна, которая до настоящего времени полагалась скорее на разовые торговые сделки». Также помехой была широкая практика протекционизма: «Польша, хотя и является в основном сельскохозяйственной страной, хорошо развита в промышленном отношении. Поддерживается высокий уровень защиты, а тариф является чрезвычайно сложным. Кроме того, Польша защищает свой обмен посредством системы запретов на импорт, которые затрагивают около 75 процентов импорта из Соединенного Королевства». Ещё одна помеха – непреклонность Польши в вопросе гарантий для её экспорта: «Польское правительство по политическим и другим причинам очень стремилось получить точные гарантии относительно будущего своей торговли с этой страной сельскохозяйственной продукцией, особенно беконом, на долю которого приходится около трети от общего объема торговли Польши с Соединенным Королевством» [16, р. 294]. Поскольку торговый баланс в начале 1930-х гг. складывался в пользу Польши – в 1933 году импорт из Польши в Великобританию составил 6,6 млн фунтов стерлингов, а экспорт в Польшу из Великобритании составлял 2,7 млн фунтов стерлингов, плюс реэкспорт – 1,1 млн – британская сторона была заинтересована в продвижении своих товаров, в том числе из колоний. Великобритания стремилась добиться освобождения колониальной торговли от правил компенсационной торговли Польши, в соответствии с которыми импорт определённых классов колониальных товаров мог быть поставлен в зависимость от компенсационного экспорта определённых классов польских товаров

или уплаты специальных пошлин вместо них [16, р. 295]. Также сложности вызывал вопрос о перевозках товаров: «Польша полна решимости приложить все усилия для создания национального торгового флота и очень ревниво относится ко всему, что, казалось бы, мешает ей продвигать интересы судоходства». Рассуждая о перспективах развития торговли между странами, глава торговой палаты заключал, что эффект «зависит в значительной степени от развития покупательной способности Польши, финансового положения польских трейдеров, курса валют, конкурентоспособности других стран, усилий, предпринимаемых экспортёрами Соединенного королевства, чтобы воспользоваться предоставляемыми им возможностями, и, последнее, но не менее важное, доброй воли со стороны Польши в поощрении торговли Соединенного королевства и в соблюдении духа и буквы торгового соглашения» [16, р. 294–296]. Таким образом, две крупные проблемы британской экономики начала 1930-х гг. – упадок торгового судоходства и пассивность торгового баланса [4, с. 228–229] – явно отразились в торговых переговорах с Польшей. Лоббирование британской позиции по обоим этим направлениям соответствовало экономическим интересам страны.

30 января 1935 г. Кабинет министров уполномочил главу торговой палаты заключить соглашение по направлениям, указанным в его меморандуме [19, р. 94]. Торговое соглашение было подписано 27 февраля 1935 г. Оно распространялось на британские колонии и подмандатные территории, что имело большое значение для польского экспорта. Это был тарифный договор с большим количеством скидок, содержащихся в двух списках. В первом – для товаров, произведённых в Соединенном королевстве, во втором – для товаров из колоний и подмандатных территорий. Общее количество таможенных скидок, предоставленных Великобритании, составило 421. По словам польского исследователя К. Кани «Польша не могла отказаться от соглашения, поскольку была бы лишена возможностей экспорта в Англию, которая в то время была самым важным получателем польских товаров, сохраняя эту позицию до 1938 г.» [3, с. 24–25]. Таким образом, можно сказать, что Великобритании удалось реализовать задачу по расширению возможностей экспорта своих товаров в переговорах с Польшей.

Однако, как оценивали британские дипломаты, англо-польские торгово-экономические отношения? В исследованиях отмечена проблема конкуренции английских и немецких товаров на европейском рынке [4, с. 235–236]. Как видно из приведённой ранее статистики,

Германия устойчиво занимала одно из ведущих мест среди торговых партнёров Польши. И это в условиях, когда экономические отношения этих стран переживали не самые лёгкие времена: с середины 1920-х гг. между этими странами развернулась таможенная война. 17 марта 1930 г. в Варшаве было заключено польско-германское торговое соглашение, которое в случае ратификации могло положить конец таможенной войне, но оно не вступило в силу. В 1932 г. Германия ввела максимальные импортные пошлины на многие польские товары; зеркальные меры были приняты польской стороной. Однако в октябре 1933 г. начались торговые переговоры Германии с Польшей, 7 марта 1934 г. в Варшаве был подписан протокол о прекращении таможенной войны [6, с. 98]. Наконец, 4 ноября 1935 г. было подписано польско-германское соглашение об экономическом сотрудничестве, что могло усилить конкуренцию британским торгово-экономическим интересам в Польше со стороны Германии.

В начале 1936 г. сотрудники Форин оффис представили комментарии по вопросу немецкой конкуренции. Британские дипломаты, рассматривая экономическую экспансию Германии, исходили из того, что «нацизм не причина, а симптом экономических сложностей». С их точки зрения в случае отсутствия какого-либо экономического союза с Великобританией, Францией или СССР наилучшим экономическим решением для Германии, вероятно, была бы организация рынка в Центральной и Южной Европе. Допускалось, что растущая экспортная торговля Германии в эти районы послужила бы «полезным дополнительным предохранительным клапаном. Если бы мы могли способствовать такой естественной тенденции каким-либо взаимным актом самоотречения, согласно которому мы отказались бы от наших прав на режим наибольшего благоприятствования в Центральной и Восточной Европе в обмен на ограничение Германией интенсивной конкуренции в Скандинавии и Прибалтике, эта тенденция могла бы усилиться и канализироваться. Это тенденция, которая, возможно, уже действует в Польше, где немецкий экспорт собирается увеличиваться в соответствии с недавним коммерческим соглашением, согласно которому польский импорт немецких товаров должен быть удвоен, если Германия продолжит закупать польскую сельскохозяйственную продукцию». То есть рассматривалась возможность создания немецкого «аутлета» в Центральной и Восточной Европе, исходя из принципа, что этот регион представляет собой «есте-

ственное поле для немецкой торговли и промышленности» [20, р. 762–768].

Таким образом, в условиях экономического кризиса в первой половине 1930-х гг. торгово-экономические аспекты британско-польских отношений оказались тесно связаны с дипломатическими. Наряду с интересом к выгодам от британско-польской торговли, место Польши оценивалось Великобританией, прежде всего, исходя из проблемы обеспечения безопасности в Европе, для решения которой не исключались различные уступки (территориальные – со стороны Польши в пользу Германии; дипломатические – со стороны Франции за счёт Польши; экономические – со стороны Великобритании в пользу Германии в регионе Центральной и Восточной Европы).

Источники и литература

1. Nowak-Kiełbikowa, M. Polska – Wielka Brytania w dobie zabiegów o zbiorowe bezpieczeństwo w Europie 1923–1937 / M. Nowak-Kiełbikowa. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1989. – 587 s.
2. Piszczkowski, T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich / T. Piszczkowski. – Londyn : Oficyna Poetów i Malarzy, 1975. – 456 s.
3. Kania, K. Stosunki handlowe polsko-angielskie w latach 1918–1939 / K. Kania // Krakowskie Studia Małopolskie. – 2006. – № 10. – S. 7–33.
4. Трухановский, В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939) / В. Г. Трухановский. – М. : Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. – 412 с.
5. Lowe, C. J. The mirage of power: in 3 vol. / C. J. Lowe, M. L. Dockrill. – London : Routledge, 2002. – Vol. 2 : British foreign policy, 1914–1922. – 398 p.
6. Кузьмичёва, А. Е. Польско-французские отношения в 1933–1935 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 5.6.2 / А. Е. Кузьмичёва. – М., 2023. – 344 л.
7. Суслопарова, Е. А. Британские лейбористы: испытание кризисом 1931 г. / Е. А. Суслопарова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2009. – № 1. – С. 5–23.

8. Климовский, Д. С. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений (Из истории зарождения Второй мировой войны) / Д. С. Климовский. – Минск : Изд-во БГУ, 1975. – 288 с.

9. Cabinet Papers (CP) № 301(31) – 331(31). 26.11.31 – 25.12.31 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023131035mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-225.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

10. Conclusions of meetings of the Cabinet. Oct. 29 – Dec. 16. 1931 (72(31)–93(31)) // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-69.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

11. CP № 1 (32)–50(32). 1.1.32–27.1.32 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-227.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

12. Заключительный акт Лозаннской конференции, 9 июля 1932 г. // Сборники документов по международной политике и международному праву. – Вып. IV. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению и др. – М. : НКВД, 1933. – С. 18–26.

13. Documents on British foreign policy (далее DBFP) 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by E. L. Woodward. – London, 1958. – Vol. 7. – 808 p.

14. Майский, И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. / И. М. Майский. – М. : Наука, 1971. – 712 с.

15. Мельтюхов, М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М. И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2001. – 460 с.

16. CP № 1 (35)–45(35). 3.1.35–1.3.35. // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-253.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

17. CP № 151 (33)–200(33). 6.6.33–27.7.33. // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-242.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

18. CP № 226 (34)–305 (34). 17.10.34–31.12.34. // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-242.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

chives.gov.uk/ukgwa/20231023124818mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-251.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

19. Conclusions of meetings of the Cabinet Jan. 9 – June 7. 1935 (1(35)–32(35)). // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access:

https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20231023124838mp_/http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-81.pdf. – Date of access: 18.04.2024.

20. Documents on British foreign policy (further DBFP) 1919–1939. 2nd Ser. / ed. by W. N. Medlicott. – London, 1976. – Vol. 15. – 791 p.

УДК 94 (476:4-470)”1921/1939”

В. М. Бароўская
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

ПЫТАННЕ ЭКСПАРТУ ДУБОВАЙ КЛЁПКІ Ў ГАНДЛЁВЫХ СУВЯЗЯХ БССР І ПОЛЬШЧЫ Ў 1921–1939 ГАДЫ

У артыкуле сцвярджаецца, што асновай экспартных аперацый паміж Савецкай Беларуссю і Польшчай у 1922–1927 гг. была дубовая клёпка (французская, мемельская, біндэрная). Пачынаючы з 1928–1929 аперацыйнага года назіраецца рэзкі паварот на продаж дубовых вырабаў (калоды, дошкі, шпалы, шліперы, швелі, фрызы паркетныя, ванчосы і інш.) У пачатку 1930-х гадоў кан’юнктурныя змены на сусветным лясным рынку і растучая папулярнасць біндэрнай клёпкі амерыканскай спецыфікацыі замест мемельскай клёпкі ўнеслі свае карэктывы ў працэс ляснога экспарту паміж БССР і Польшчай. Беларускае лесаперапрацоўчае прамысловасць была вымушана змяняць тэхнічныя ўмовы і спецыфікацыі вытворчасці і дапасоўваць сваю дзейнасць пад запыты сусветнага рынку.

Рашэнне праблемы крыніц атрымання валюты для ажыццяўлення амбіцыйных праграм узнаўлення і мадэрнізацыі прамысловасці заставалася для палітычнага кіраўніцтва БССР адным з прыярытэтаў. Экспарт лесу не адразу стаў крыніцай папаўнення валютных рэзерваў: дэфіцыт і нізкая кваліфікацыя, якая мелася ў распараджэнні рабочай сілы, зношанасць асноўных сродкаў вытворчасці, адсутнасць крэдытавання (у тым ліку брокерскага, на якім традыцыйна раней асноўваўся экспарт лесу), праблемы з фрахтам, кала-